

16+

Каминский А.В.

Всадник между небом и землёй

Александр Каминский

Всадник между небом и землёй

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Каминский А. В.

Всадник между небом и землёй / А. В. Каминский — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Театрализованная повесть о новогодней поездке двух друзей, о волках, о степи, о смерти и о том пути, который каждый выбирает для себя в туннелях Великой Пирамиды Посвящения. Все персонажи (кроме, разумеется, Старого Лиса) имеют реальных прототипов и во многих случаях реальные реплики, восстановленные по дневниковым записям. Так что повесть отчасти является документальной, хотя и непреднамеренно. Просто так получилось. Не для массового читателя.

© Каминский А. В., 2006

© ЛитРес: Самиздат, 2006

Александр Каминский

Всадник между небом и землёй

ВСАДНИК МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ

Повесть

ПРОЛОГ

– Так, где мои очки? Куда я дела свои очки?

После этих слов режиссёра все заметались по маленькому затемнённом залу в поисках утраченных очков. Репетиция, толком не начавшись, была прервана. Воспользовавшись суматохой, кое-кто из актёров выскочил в коридор покурить, причём незаметно не только для режиссёра, но и для окружающих – практика, отработанная в совершенстве за месяц репетиций.

– Анжелика, ты не будешь слишком сердиться? – отважился произнести Джордж, одиноко ютившийся на сломанной скамеечке у самой сцены. – Кажется, я на них сижу...

Паника прекратилась. Побледневшая Анжелика прыгнула со сцены и подбежала к бедному Джорджу.

– О, Боже! – взмолилась она, театральным жестом воздев руки к небесам. – Я купила их на этой недели! Триста рублей! Джорджи-и-к!!!

– Ну, я не специально...

– Где они?

– Вот, – Джордж протянул ей согнутые пополам очки.

Сзади послышались весьма отчётливые приступы смеха, переходящие в бронхиальный кашель при взгляде режиссёра в данном направлении. Она чуть не плакала.

– Мои очочки! Костя, смотри, Настя, о боже, он на них сел!

– Я же не хотел...

Анжелика закусила палец, как ребёнок.

– Так, срочно меня кто-нибудь пожалейте!

С этими словами она резко опустила голову на плечо Косте, подвернувшемуся под руку, тонкими руками обвила его талию и, простояв в такой позиции секунд пять, оттолкнула оторопевшего парня и крикнула кому-то в темноту:

– Ну-ка назад! Егор, или кто это, зови всех, кто там прячется! Мы начинаем!

Через мгновение она уже сидела на скамеечке рядом с восхищённым такой игрой Джорджем. Он всегда рассматривал её как некий уникальный экспонат, выставленный для ценителей таких редких натур. Собственно, ради этого Джордж и торчал здесь часами. И вот уже почти две недели, а если быть точным – 13 дней, 3 часа 44 минуты и 35, нет, 36, нет, уже 37, 38, 39, в общем 50 секунд – вместо того, чтобы утром сидеть и спокойно делать уроки, он бегал на репетиции старшекласников, хотя и учился в другую смену. Но сегодняшний день был особенный – воскресенье. Ещё днём всё было написано, сосчитано, подогнано под ответы, и весь вечер, до самого последнего трамвая можно было, как говорил Егор, «театрить».

Анжелика надела согнутые очки и, посмотрев на Джорджа взглядом обиженного ребёнка (несмотря на то, что была на два класса старше), пожаловалась в табакоской манере:

– Смотри, какая я теперь некрасивая. Вот и буду теперь в таких очках ходить. Специально.

Джордж глупо сморщился и развёл руками – виноваты, мол.

Актёры опять заполнили сцену, заставленную всевозможными загадочными вещами, назначение которых слабо увязывалось даже с театром. В глубине сцены, например, стоял действующий токарный станок.

– Андрюха пришёл? – обернувшись, спросила режиссёр.

– Нету его, – ответили из зала.

– Так. Кто тогда прочитает монолог Романа?

– Давай я, – поднял руку Виталик, сидевший за пультом света.

– Нет, – отрезала Анжелика. – Ты мне химию не дал скатать. Пусть Егор, только громко! Где Егор?

– Я не умею громко, – отозвался откуда-то из-за кулис голос Егора. – Я читаю тихо, но с выражением.

– А ты, вообще, где есть?

– Я-то?

– Так, всё понятно. Сеня, прочти ты, – обратилась режиссёр к кому-то в зале.

– Только я хочу с бородой.

– Ну, дайте ему бороду. Настя, где у нас Романовская борода?

Пока Семён лез на сцену, Анжелика созывала народ из коридора:

– Алё! Перерыв окончен! Ким и Клим! Я с какой стати должна глотку драть!

– Идём.

На ходу гася недокуренные сигареты, в сумерки зала с шутками-прибаутками вошли двое школьников и ловко запрыгнули на сцену.

– С какого места? – спросил Семён, примерявший бороду перед зеркалом, которое держала Настя. – Где я за кошками иду, или чё? Предупреждаю, мне ещё алгебру учить.

– Не-е, – возмутилась Вика, – давайте встречу с Радугой, там много диалогов, я хоть текст прогую.

– Так, слушать сюда! – приказала режиссёр. – Сейчас делаем сцену в автобусе и танец прохожих. Декорации не сшибать! Диктор готов? Всё. Только, Миша, – взмолилась Анжелика, – ради бога, когда выходишь читать про степь, давай без бумажки...

– Да я ещё плохо знаю...

– Господи, да чего там знать-то – «степь да степь кругом, ля-ля-ля»!

– Ладно, попробую уж, ля-ля-ля...

– Сеня, – окликнула режиссёр, – пока посиди, но не уходи. Я говорю, далеко не уходи. Так, всё! Где мои очки? А, вот. Саша, давай с твоего текста «Я, кажется, понял, почему к чужакам мы относимся не так по-свински...» и дальше поехали... Егор, бл...! Слезь с потолка!..

(За кулисами что-то упало, и кто-то дико заржал).

– О боже, Джорджик, как мне плохо, у тебя мои очки?

ЧАСТЬ 1

Ким и Клим

– 1 -

Декабрь. Шёл последний час заката. Измождённый, раскрасневшийся от усердия старик Солнце после многих попыток всё-таки ухватился волоском луча за шпиль телебашни, из последних сил подтянулся к нему и наконец-то очутился у кромки горизонта. Кряхтя, присел он на самый край отдышаться. Закурил... В голове всё крутился этот мотивчик ...м-м... как же там... «Э-э-эх, дороги-и-и, пыль да бу-урья-а-ан, тарарам тарара-а-ам, тарарам тарара-а-а!» Но – пардон – времени было в обрез (на том конце просыпалась Австралия), так что надо было спешить. Только он решил-таки нехотя бросить напоследок парочку наставлений моло-

дому Месяцу, вступавшему на пост, отметить недостатки его прошлого дежурства, как вдруг, неожиданно потеряв равновесие, старик Солнце замахал иссохшими руками и с громоподобным криком «Майна!» в одну секунду рухнул за край горизонта, как оборвавшийся груз.

Город растерялся и какое-то время был погружён в кромешную тьму. Но вскоре, будто в испуге от перспективы навеки остаться в темноте, разом включил всю радугу огней и вспыхнул, и загремел трамваями, и завизжал тормозами, запел пьяными голосами прохожих, как ребёнок, который, оставшись в пустом доме, зажигает свет во всех комнатах, чтобы было не так страшно.

Автобус с трудом закрыл створки дверей и пытался зацепить колесами тот не обледеный островок асфальта, который позволит ему тронуться с места. Ким юркнул на свободное сиденье, знаком приглашая Климана занять соседнее. Двухметровая фигура Климана, как маяк на море, вздымалась над шапками пассажиров у передней двери. Казалось, что его масса заполнила собой треть пространства автобуса. По сдавленным матеркам и оханьям можно было предположить, что Клим приближался. Вскоре потрескавшаяся кожа старого коричневого плаща закрипела совсем рядом. Когда стокилограммовая туша Климана взгромоздилась на изорванную обшивку сиденья, автобус крякнул и вновь прибавил газу – ему стало труднее идти.

– Тише ты, – недовольно проговорил Ким, – гитару мне покалечить.

Клим лениво взглянул на зачехлённую гитару, которую маэстро примостил между коленями и спинкой соседнего сиденья, и принялся доставать из сумки продрогший томик Стругацких.

...Огни, огни и фары машин бежали, мелькали, слепили глаза, но Ким смотрел на них неотрывно. Поток живых огней разрезал сумерки проспекта и рядами уходил все дальше, покуда хватало взгляда, вперед за горизонт, извиваясь на далеких площадях, еще дальше, еще... Рядом проносились неоновые вывески гастрономов, ателье и кинотеатров, силуэты прохожих и маяки патрульных машин, светофоры...

– Слышь, Климентий, – произнёс Ким, глядя в окно, – я, кажется, понял, почему к чужим мы относимся не так по-свински, как к родным.

– Не может быть, – без энтузиазма отозвался Клим и перевернул страницу.

– У меня, знаешь ли, неожиданно возникла новая теория.

– М-м? Излагай.

– Она будет называться Общая Теория Живых Легенд, сокращённо – О.Т.Ж.Л.

– Кто отжил? – не понял Клим.

– Вот балда. Я говорю, теория так будет сокращённо называться – О.Т.Ж.Л, аббревиатура от «Общей Теории Живых Легенд». А он уже сразу – кто отжил? Теория имеет, можно сказать, прикладное значение. Прикладывать её надо к новой дисциплине – «Друзьяведение». Слыхал?

– Развивай мысль.

– Развиваю. Я, видишь ли, давно заметил, что соседку по площадке Елену Захаровну я ни разу в жизни не назвал дурой, а свою родную мать могу назвать и похлеще.

– Свинья...

– Ясно дело! Или, например, захватив в новую компанию своего старого друга, мне всегда тянет над ним подсмеяться прилюдно. Из серии «вот, вчера мы с этим придурком...» и так далее.

– И сволочь.

– Нет, я не сволочь. То есть, конечно, сволочь, но всё гораздо сложнее. Просто, видишь ли, тут мы имеем дело с некоторой психологической закономерностью. А именно. Приготовься конспектировать. В основе общения с чужими людьми – с соседями, родителями друзей, товарищами по работе или по палате, – всегда лежит определённая степень закрепощающей неловкости. В зависимости от обстоятельств коэффициент неловкости различен, но, подчёркиваю, он никогда не равен нулю. Что скрывается за неловкостью? Неопределённость. В нашем случае

неопределённость того плана, что мы не знаем гуманитарную, так сказать, ориентацию внутреннего мира собеседника или знаем её весьма поверхностно. Может, он вообще псих. То, что не определено, – всегда Тайна, всегда загадка. Разгадывать тайну чужака у здорового человека обычно нет никакого желания. Поэтому чужак так и ходит в тайнах с ног до головы. Как здоровый человек относится к тайнам? С пренебрежением? С наглой ехидцей? Нет. Со стра-а-ахом. За что мы боимся? Конечно, за свою бесценную жизнь, причём, даже когда болтаем с продавщицей в хлебном. Но этот страх необычный, я бы назвал его транскосмическим страхом. Представь, когда ты идёшь по улице, и прохожие едва касаются тебя, проносясь мимо, – это, как движение материков: гигантские австралии с невероятными цивилизациями и средней руки архипелаги, где только-только научились добывать огонь, острова с хищниками, принцессами и лесными кладами – все они скользят в доисторическом Океане, сшибают друг друга приливами, сталкиваются или просто случайно цепляются ветками деревьев, а чаще, вообще, едва замечают существование кого бы то ни было в Океане. Мы проходим мимо друг друга, а на материках, как реакция на это, представь – проносятся бури, города заносит снегом по самые шпили. Ты остановился, чтобы ответить, сколько времени, и две огромные армии в десять, нет, в двадцать тысяч человек каждая выстроились напротив друг друга, а парочка Гэндальфообразных друидов суетится между ними и пытается уладить дело миром. Так что, это страх не тела, а материковой цивилизации! Он редко осознаётся, потому что, как рыба Латимерия, обитает исключительно на Марианских глубинах, иначе граждане гуляли бы по улицам в бронжилетах, передвигаясь короткими перебежками. Но в глубине потёмков души этот транскосмический страх всё же сидит, и как раз его-то мы интерпретируем как небольшую неловкость, этакую лёгкую скованность при любезном диалоге с очаровательной соседкой по даче. Итак, имеется последовательная цепь: неловкость – неопределённость – тайна – опасность – страх смерти. Это схема психологического барьера при общении с чужаком. В таком общении ставки велики и мы а priori заинтересованы в его благоприятном исходе. Отсюда берёт начало вся человеческая мораль, светская изысканность и десять заповедей Моисея – архипелаги не должны разбиться.

– Немного загнута, – заметил, оторвавшись от чтения Клим, – но лихо. Правильно Севка сказал, что ты всё всегда усложняешь. Продолжай в том же темпе.

– Продолжаю. В общении с друзьями подсознательный страх смерти близок к нулю, а с родными – очевидно, ему равен, так как считается, будто о них нам известно всё. Мы выяснили, что именно ощущение смерти придаёт ценность общению. Поэтому, чтобы по-конфуциански относиться к родителям и близким друзьям, нужно это неосознанное ощущение слегка повисить.

– О, я даже боюсь предположить, – зевая, сказал Клим, – что ты предлагаешь.

– Элементарно, Ватсон. Полную Легендаризацию всех родных и друзей!

– Гениально.

– Согласен. Что имеется в виду? Из вышеприведённой схемы психологического барьера выберем тот элемент цепи, который приемлем для повышения страха смерти при общении в интересующей нас социальной группе.

– Блин, тебе надо лекции читать.

– Неловкость и неопределённость, – продолжал Ким, – отмечаем, как ненужную шелуху, а вот с тайны и начнём свой путь к ощущению смерти. В понятие «тайна» всегда органически вписывается понятие «сказка», а сказка – это всегда позабытая легенда, которая, в свою очередь, – некий позабытый факт истории или факт, ненадёжно документированный. То есть, мы говорим «легендарное событие», подразумевая, – мол, хрен его знает, было оно или не было. Возьмём, к примеру, Атлантиду или беседу Конфуция с Лао-Цзы на ступеньках библиотеки или встречу Валерия Чкалова с Максимилианом Волошиным.

– Причём здесь Чкалов?

– Это я для примера. Ну, так вот.

– Мне, кстати, недавно снилось, как Ленин позирует для картины Шишкина «Три медведя».

– Да не «Три медведя», а «Утро в сосновом лесу», балда.

– Да, я балда.

– Ну, так вот...

– И я горжусь этим!

– Ты слушай. Мы всё-таки говорим о легенде, как-никак!

– Ох, – тяжело вздохнул Клим.

– Из глубин понятия «тайна» вытаскиваем на мелководье за белы ручки госпожу Легенду, она же Предание. Получаем новую схему общения: легенда (предание) – опасность – страх смерти. Ничего не замечаешь?

– Не знаю. Но мне уже становится страшно...

– Точно! Легенда со страхом смерти не согласуется. Она не согласуется со страхом за СВОЮ жизнь, – это страх за НЕЁ! Она – в прошлом, она нас не тронет, но сама-то она беззащитна. И, прежде всего, перед нашей Памятью, ведь её можно просто забыть! Поэтому наша цепь приобретает направленность иного рода: защита легенды от опасности и нежелание её смерти. Например, вспомни, как Ромка в 95-м году трепетно беседовал с Гребенщиковым. Очень наглядный пример в свете моей теории. Если бы тогда в Моторщики ворвались чечены с пулемётом, я уверен, – Борисыча он бы закрывал грудью. Возможно, даже своей. Теперь о том, как производить так называемую Легендаризацию друзей и родных. Она достигается использованием четвёртого измерения – Времени. Начнём с родных. Обычно их восприятие нашим сознанием ограничено чрезвычайно узкими временными рамками, а именно – сферой данного момента времени, которая называется – наш повседневный быт, с небольшим захватом будущего, недельки две, и парочкой дней из прошлого. Чем уже сфера временного восприятия субъекта, тем больше она заполнена бытом – опять посуду за собой не вымыл, опять с друзьями шляешься, а я одна и т. д. Если же захватывать в фокус восприятия обширную область Прошлого данного субъекта, например, родного брата, то в процентном соотношении непосредственно Общения будет больше, чем Быта. Для наглядности картинка такая: двое козлов резвятся в поле. Козлы – это быт. Пространство поля – это временное восприятие жизни наших козлов от момента их рождения до мясокомбината. Начинаем сужать поле. Травы становятся меньше, и амбиции козлов растут пропорционально её уменьшению. Сузим поле до размеров комнаты в коммуналке. Поле практически исчезло, и остались только козлы, дерущиеся за огрызок морковки. От бескрайнего поля времени остался только краткий миг Настоящего. Наслаждаться им козлы не умеют – они европейские козлы, а не японские, в школе Ринзай не учились. Поэтому с учётом данной особенности я и предлагаю в сферу восприятия субъекта при общении включать не только данный момент времени, но и Прошлого с Будущим, то есть общаться в четырёх измерениях. Помнишь, ты рассказывал про вазу, или кто это рассказывал, не помню: вот она – комок глины, вот уже её обрабатывает гончар, она меняет свою форму и вот, наконец, готовая ваза на твоём столе. Смотри на неё и воспринимай не как статичный объект, а как цепь событий!

– Ваза как цепь событий. Интересно...

– Да. Вот это самое включение дополнительного временного промежутка я и называю Легендаризацией. Хочешь следовать заповеди «почитай отца своего и мать свою», то, общаясь с ними, держи в голове семейные фотоальбомы с пожелтевшими фотографиями – жизни всех своих предков. А также одновременно с этим воспринимай родителей будто уже мёртвыми, и я уверяю тебя, Климентий, никаких ссор и ругани у вас в семье никогда не произойдёт! Перед тобой будет ходить живые Легенды, да ещё и общаться с тобой! Клянусь тебе, ты будешь у них брать автографы! Станешь безропотно вкалывать на даче, а зимними вечерами с откры-

тым ртом слушать о приключениях своего прапрадеда в войну 1812 года! Я не шучу. Проверил лично. Правда, надолго меня не хватило, но ты же знаешь, какой у меня отвратительный характер, а для опытов с четвёртым измерением нужно, братец, ого-го... Так. Теперь разбираемся с друзьями. Также расширяем фокус их временного восприятия, однако не с помощью истлевших фотографий, ведь их пращуров нас не так живо интересуют, как свои. Тем более для Легендаризации друзей нам достаточно лишь того периода, что мы их знаем. Пять лет сойдёт. Поступаем следующим образом. Берём, и на основе реальных фактов биографии выдумываем их Личную Историю! То есть. Переписываем на листочек имена всех друзей, которым можно позвонить в 3 часа ночи, если не спится. Уверен, больше трёх человек не наберётся. Потом вспоминаем несколько интересных фактов из их жизни, расставляем фантастические декорации, садимся и пишем об этом пару весёлых историй в духе фэнтэзи. Повторяю: берём ручку и бумагу, садимся за стол и пишем – время найдётся, если не хотим потом в 60 лет раскаиваться, что растеряли всех друзей в 25. Пускай выше тройки за сочинение у вас сроду не бывало, однако возьмите и напишите, как сможете. Написали, прочитали, сожгли. Обещаю, эффект будет поразительный! Трансформация полная! Друзья обалдеют! Вы будете для них самым преданным и надёжным другом, и они для вас горы свернут. Вообще, используя метод Легендаризации как приложение к четвёртому измерению (которое сроду у нас сбоку припёку) можно воспринимать кого угодно и что угодно. Пользы – море. Расширяй временное восприятие – и вперёд. Скажу больше: если бы какой-нибудь человек хотя бы на миг охватил Легендой всю Вселенную, он стал бы счастливейшим на Земле!

Ким сделал эффектную паузу и победно взглянул на друга. Голова Клим безвольно покачивалась, будто всё время с чем-то соглашаясь, – он давно уже спал.

...Заснеженные тополя на аллее порой нависали над крышей и едва не касались стекла мчащегося автобуса, порой расступались, как занавес, и тогда, видимые едва-едва вдалеке, показывались огоньки девятиэтажек в новых районах, мерцающей сеткой опоясывающих город. Ким думал о том, что вон где-то там, в тех огоньках на границе неба и ночи, тоже ведь живут люди. Их встречают друзья и увозят «Скорые», они готовятся к ночной смене, мечтают о лете, умирают – и не всегда со смеху, готовят что-то на тесных кухнях, режутся в «Гонки» или покрываются потом в постелях, пока дома никого. Но, что самое невероятное, думал Ким, оттаивая твёрдым от струн пальцем ещё один глазок в окне, что ведь где-то там, в огнях, тоже сидят усталые, голодные безумцы перед своими «Вегами» и «Маяками». Они выводят таинственные пассажи, почти не умея играть на флейте, до ночи настраивают вечно не строящие шестиструнки, а потом, вдруг замерев в темноте, где поблёскивают только лампочки на пульте, не обращая внимания на грозный стук в батарее, начинают ещё один дубль записи из бесчисленного множества дублей, каждый раз надеясь, что вот он-то и будет последним, и каждый раз ошибаясь. Боже, храни этих безумцев от безумства здравомыслящих...

– Эй, Климыч, – позвал Ким, – ты чё, спишь? Я ведь не помню, где выходить-то.

– А? Что? – проснувшийся Клим растерянно замотал головой и, чуть сощурившись, пригляделся к мелькавшим за окном улицам. – Не! Мы ж ещё из города даже не выехали.

– А, ну, тогда слушай анекдот. Приезжает Севка к Роману строить баню. А Роман ему и говорит, дескать, я тут эксперимент провожу, положи-ка, друг Сева, свой указательный палец на это полено. Севка, недолго думая, кладёт палец, а Роман отходит в сторону, берёт огромное бревно в два обхвата и аккуратно роняет его точно на Севкин палец. Севка слегка морщится и восклицает: «Господи, а кому шас легко?» Или вот ещё. Встречаются в бане Роман, Севка и Гречанинов...

Пока Ким говорил, или, как он любил выражаться, «развивал мысль», Клим всё больше стал замечать, что в автобусе происходят любопытные вещи: поначалу его не очень смутило лёгкое шёлковое платье елизаветинских времён на одной из вошедших дам, но, когда, обернувшись вправо, он увидел героя одной из недавно прочитанных книг (то был Гарри Галлер из

«Степного волка» с окровавленной бритвой в руке), его это встревожило не на шутку. Ким всё говорил и говорил, а Клим с трепетом наблюдал, как автобус наполняется другими видениями. На передней площадке о чём-то смеялись Шерлок Холмс и дон Хуан, Горбовский пытался найти своё удостоверение звездолётчика и уверить в его подлинности кондуктора. Сам кондуктор (это был огромнейших размеров Ёж) вместо билетов раздавал горящие можжевельные ветки, так, что вскоре у всех было по одной, как на факельном шествии, а какой-то римлянин тщетно упрашивал Ежа дать ему колючку из своей спины, чтобы использовать при выходе. Когда кондуктор проходил по салону, все спешили пропустить его и быстрее расплатиться, ведь он был очень большой и колючий, хотя, по всей видимости, и не злой. Однако он всё же выдворил за шкуру Тома Сойера, когда тот пытался стащить мелочь у одного красного комиссара в будёновке и пальто с орденом «Красного Знамени». Клим хотел вернуться к другу и обсудить с Кимом происходящее, но к своему удивлению не смог даже повернуть голову. Тогда он обхватил её руками, стараясь развернуть в нужном направлении, но к своему величайшему ужасу заметил, что нечаянно её оторвал! Голова осталась у него в руках и смотрела на своего хозяина с таким восторгом и изумлением, что Климу невольно стало смешно. «Не желаете обменяться головами? – спросил Клима сидевший позади охотник. – Нынче, прогуливаясь по лесу, я, знаете ли, подстрелил одного редкого профессора, профессора Доуэля, но вы не волнуйтесь, голова не задета, всё разлетелось к едрене фене, а вот голова целёхонька, так что, махнёмся?» Но в этот самый момент к Климу подошёл Ёж-кондуктор и потребовал немедленно поставить голову на положенное место, дабы не нарушать Правило 3.5.1 перевозки жизненно важных органов Власти. Клим ответил в том духе, что, мол, для начала неплохо бы сыграть всем вместе товарищеский матч в волейбол, а уж потом можно и поставить на место. Ёж строго сдвинул брови, но дал добро. Весь автобус развеселился и начал перекидывать климову голову из рук в руки. Кто-то, смеясь, ловил её в свою шапку, кто-то наносил по ней удар ногой в прыжке. Красный комиссар пытался на лету поддеть её штыком, но кондуктор немедленно вмешался и присовокупил штык к своим колючкам на спине. Клим чувствовал необычайную лёгкость, особенно, когда его голова на секунду вылетала из форточки после неудачного броска, пролетала несколько метров по холодной улице и вновь под действием силы притяжения сознания возвращалась в тёплый салон. В один из таких захватывающих перелётов коварный Горбовский, уже давно прицеливавшийся, пальнул в летящую беззаботную голову Клима из своего дурацкого скорчера. Такого невероятного ощущения Клим не испытывал никогда! Миллионвольтный разряд осенил его феноменальной вспышкой, озарением, прояснил и прочистил все извилины в мозгу, рассеял по белому свету и собрал вновь тысячи ослепительных брызг всего, что в нём прежде было, но только в новом, не знакомом Климу порядке. Ему показалось, что живёт он уже три тысячи лет, что прошлое и будущее не разделены более настоящим, но – одно целое, и поэтому можно предсказать всё на миллионы лет вперёд и вспомнить самые забытые и отдалённые уголки прошедших эпох. Можно ВСЁ! Но это прозрение вдруг сразу же заволокло туманной дымкой, стало медленно иссякать и гаснуть, уходить всё дальше и дальше; напрасно было тянуть к нему руки и пытаться ухватить за скользкую нить, приведших к нему ассоциаций; вскоре его последний вагон с красным огоньком на крыше, отчаянно мигнув на прощанье, скрылся в расступившихся и тут же сомкнувшихся перед глазами Клима сумерках.

Клим вздрогнул и открыл глаза – водитель запоздало включил в салоне свет, дрожащий и тусклый, словно больной неизлечимым недугом; пассажиры чуть слышно о чём-то разговаривали, рядом Ким уткнулся лбом в стекло и шептал не то стихи, не то заклинание; за окном стеной валил розовый снег. Хотелось раскрыть книгу, но автобус так пригрел, так плавно укачивал, что сил оставалось ровно настолько, чтобы вздохнуть, в дремотной неге сомкнуть глаза и провалиться в чернеющую пропасть сна.

...Троллейбусы с замёрзшими стёклами, гармошки-автобусы, облепленные оледеневшей грязью, такси с зелёными зрачками на лобовых стёклах, полупустые холодные трамваи, лёг-

кие «Газели» – все они были заполнены работниками, специалистами, шикарными дамами в мехах, полунисицами стариками, новорождёнными, отцами семейств, всеми, кем мы были в прошлом и будем в будущем, Библейскими пророками и демонами в облики людей, персонажами ещё ненаписанных приключенческих книг и полотен старых Мастеров – всеми теми, кто спешил, летел, стремился куда-то, лишь бы не остаться в одиночестве на пустынной остановке Прошлого.

* * *

Поспешим же и мы, мой дорогой читатель! Правда, особенно спешить нам и некуда, у нас с тобой впереди вся книга. Пусть наши герои едут себе, пригревшись в автобусе, а мы по привычке всех лентяев сядем в кресло у торшера и заглянем, не удержавшись, в сию повесть с конца. Увы, твои упования на счастливый конец не подтвердились. Что ж, зато впереди нас ждёт масса приключений. Будут тебе и ведьмы, и герои, и стрельба в главе 4½, немножко любви и путешествия во времени, будут и жаркие страны и дремучие леса во второй части, но всё это так далеко от начала, где мы сейчас остановились, боже, как далеко! Нет, вперёд! Вперёд, читатель, нам столько ещё нужно узнать, в стольких местах и временах побывать! А то, что мы выберемся оттуда живыми и невредимыми, а может быть в чём-то и обновлёнными, я тебе торжественно обещаю. Покроем же на сон грядущий десяток-другой страниц!

Тише. Тс-с-с... Слышишь, как за окном падает снег? Как мягко опускаются снежинки на подоконник. Во дворе напали за день целые сугробы. Завтра ребятня наделает снежных баб, а взрослые может быть даже зальют горку, кто знает? Вот и луна кошачьим глазом выглянула из облаков.

Далеко у горизонта, туда, куда уходят огни проспектов, между небом и землёй показался Всадник. Он медленно и как-то тяжело плыл над городом, склонив голову в закрытом наглухо шлеме, низко опустив своё страшное копьё. Его конь цеплялся гривой за облака, отчего те начинали сонно клубиться и осыпать город снегопадом. Всадник, или тень всадника, окинув взглядом свои владенья ещё один раз, перепрыгнул через горизонт и пропал.

Опять всё по-прежнему: за окном идёт снегопад, а в соседней комнате бьют часы. Кстати, говорят, что Всадник показывается как раз в канун Нового года, уж и не знаю почему – так говорят – и всё; однако есть и такие, кто утверждают, мол, видели его и в другие дни, надо только всмотреться в облака на закате или выйти ночью в плохую погоду – он всегда где-то там. Хотя, возможно, и не было никогда никакого Всадника, да, наверное, и не могло быть, что за вздор! – ведь мы сами управляем своей судьбой, всё верно; просто дым заводских труб сегодня как-то по-особенному поднялся над окраиной, а потом рассеялся ветром, просто дым...

«Интересно наблюдать Время, – думал Ким, глядя на мелькающие огни, – Севка говорил, что оно огибает препятствия и отражается от зеркал». А ещё он думал, что если все девятиэтажки, магазины, асфальт на проспекте, его фонари и рекламы разом смести прочь, как проведут тряпкой по пыльному столу, то вместо города останутся только декабрь и степь. Степь без конца, заметённая снегом с проглядывающими полосами стылой земли, степь без края, с холодным ветром, стелющимся позёмкой, и одинокими стеблями заиндевелой полыни. И больше ничего.

Но город был. Он стоял посреди степи, покрыв её полотном своих улиц, мыслями, миражами Будущего, пронесившимися иногда, как дрожь, по его утыканному столбами больному телу. Степь была где-то под ним, внутри, и вряд ли кто знал о её существовании. А Ким порой был уверен, что города нет, есть только степь. Она, как хозяйка, впусившая гостя переночевать, дала ему ключ от пустой комнаты и кувшин с горячей водой. Он не задержится долго и утром опять исчезнет, как и все ночевавшие до него. Останутся только декабрь и холодная степь.

* * *

– А что, интересно, делает сейчас Роман? – спросил Ким, обращаясь к мёрзлому стеклу.

На секунду Клим оторвался от чтения, словно прислушиваясь к чему-то, и ... опять откнулся в свою книгу. Вопрос (он знал это наверняка) вряд ли требовал ответа. Было вполне предсказуемо, что Роман, не дожидаясь прихода гостей, уже натаскал воды в баню, затопил печку и теперь сидит перед открытой дверцей и смотрит на огонь. Языки пламени пляшут по поленьям, а те трещат и темнеют от этой пляски, разгораясь всё сильнее. В зрачках отражаются узоры и вспышки огня; Роман щурит глаза, как кот, и всё также сидит на корточках у печи и уходить ему совсем не хочется. Насмотревшись на пламя, привычным движением он проводит ладонью по густой бороде, поправляет ремешок на часах и смотрит время. Половина шестого. «Наконец-то Ким... гитару мою... настроит, – неторопливо размышляет он, – вот если бы ещё и первую струну привёз... н-да... а про струну-то я ему и забыл сказать ... вот ведь... незадача». Закрывает он, наконец, дверку печи, и шум огня стихает за нею. Лишь угрюмый гул пламени слабо доносится оттуда.

– Зачем нам бежа-а-ть за семь синих море-э-й, – напевает Роман, проходя по холодному коридору в подвал. Пар изо рта. Ступеньки вниз. Горящие глаза в темноте...

– Ко-тя, – назидательно произносит Роман, – ты опять? Ах, это Лерочка! Ах, ты моя сволочь!

Он аккуратно берёт кошку на руки и включает в подвале тусклый желтоватый свет. Подбросив в котёл отопления пяток увесистых дровишек (кошка в это время сидит у него на голове), хозяин выключает свет, поднимается по ступенькам вверх и закрывает дверь подвала. Теперь надо бы подкормить Шарика (с улицы всё это время доносится жалобный вой и громыхание цепи).

– Зачем нам бежа-а-ть..., – летит эхо по коридору, но холодные стены впитывают в себя эти отзвуки безучастно, будто погружённые в раздумья.

* * *

Тусклый желтоватый свет в автобусе едва ли позволял что-либо различать в книге. Вдобавок, постоянное качание и тряска на выбоинах дороги отбивали к этому всякую охоту. Клим закрыл книгу и обвёл взглядом автобус: пассажиры у передней площадки раскачивались, как маятники, умудряясь одновременно отсчитывать рубль пятьдесят кондуктору и держаться за поручни. На оледенелом стекле справа во всё окно был коряво выведен зодиакальный знак: ♈ – символ Овна. Кто-то, видать, всю дорогу оттаивал его от скуки голой ладошкой. Драконий дым изо ртов пассажиров изгибался над ним причудливыми мягкими змеями, и его было трудно удержать в поле зрения – он прыгал и трясся, будто хотел удрать со стекла.

Ехали долго, причём настолько, что казалось, будто в этом автобусе они провели большую часть жизни и, возможно, ещё столько же им осталось в нём провести. Они привыкли к нему, как к дому, который скитается по дорогам вместе со своими жильцами-пассажирами, которых везёт бог знает, куда и зачем, останавливается на заснеженных полустанках, чтобы подобрать новых незнакомых попутчиков и проститься со старыми товарищами, и так целые века. Пожалуй, только дорога так соединяет людей. Только она даёт такой редкий шанс на короткий миг, пока длится путешествие, почувствовать единство и родство с абсолютно чужими людьми, как это было в стародавние времена, ощутить себя частью общего для всех предназначенья, что было бы почти прозрением, если бы не длилось так коротко.

Почти наугад они сошли на пустынной остановке, но, оглядевшись, поняли, что сошли верно. Красные огоньки автобусных габаритов медленно уходили в провал непроглядной ночи;

гудение мотора теперь слышалось где-то в отдалении и вскоре совсем затихло. Зима и ночной мороз стали их спутниками в дороге.

– 2 –

Роман чиркнул спичкой – не зажглась. Ещё раз. Опять не зажглась. Перевернул коробок. Чиркнул. Спичка сломалась. Постоял в раздумье, повертел коробок в руках и кинул его на стол. Газ зажигать не стал – чайник так и остался стоять неразогретым. Роман сел на табуретку возле окна и стал ждать... Ох, уж эти вечные ожидания, эти предвкушения! Как часто они имеют тенденцию не осуществляться! Половина всех нервных расстройств из-за них, проклятых. Но уж если они сбываются, то чем дольше ожидание, тем больше восторг от встречи! Правда, чересчур длительное ожидание, на несколько пунктов превышающее предел терпения, не предвещает ничего хорошего. Так, например, в одной арабской сказке некий джин (не путать со спиртным напитком), просидев в бутылке на дне Марианской впадины пару недель, поклялся озолотить того, кто его спасёт. Через каких-то пятьдесят лет ставки резко повысились: спасителю перепадал роскошный дворец и небольшой караван верблюдов. Отсидев ещё пятьсот лет, джин увеличил количество верблюдов до ста шестидесяти четырёх, а к роскошному дворцу присовокупил ещё восемь таких же дворцов в наборе с запасным гаремом калифа Гаруна-Аль-Рашида. Однако освободитель всё не являлся. Лет так через тысячу долгожданного спасителя чародей готов был наградить Вечной Молодостью. Через две – властью над всем Миром. В результате, отдохнув от мирской суеты в течение, буквально, астрономического периода времени, бедный джин поклялся тому счастливицу, который его найдёт, оторвать руки и ноги и, по урезанию языка, отправить за пределы Солнечной системы.

В нашем случае Роман не дошёл ещё до этой экстремальной фазы, а потому просто поглядывал на часы – друзья опаздывали. Заниматься ничем не хотелось, так что он изредка ходил проверять баню, опять возвращался в тёплую кухню и, напевая себе под нос, лениво посматривал в окно. Дорога была пуста.

* * *

Мороз всё крепчал. Гремя цепью и пуская пар из широкого влажного носа, Шарик совершал рейды туда-сюда возле будки, но ни в будке, ни тем более на улице согреться не мог.

– Какой мороз! – ворчал он. – Безобразие, куда смотрит правительство!

Прошлёпав ещё пару кругов по снегу, пес, наконец, запрыгнул на будку и стал соображать, не теплее ли здесь, чем внизу.

А в это время в подвале происходили весьма странные события. Чёрный Кот, которого Роман называл не иначе как «Котя», и Чёрная Кошка, которая всегда недовольно фыркала, когда к ней обращались на «ты» и называли Леркой (она была аристократических кровей), так вот, Чёрная Кошка и Чёрный Кот мирно беседовали в темноте подвала. Они сидели на старой фуфайке рядом с пышущим жаром котлом отопления и совещались.

– Послушайте, миледи, – урчал Чёрный Кот, – мы должны проучить, наконец, это отродье, эту мерзость...

– Гарстон, ты сидишь точно на моём хвосте.

– О, виноват, пардон!

– Если ты имеешь в виду Крысу из углярки, то могу тебя обрадовать, – Чёрная Кошка сладко зевнула, – она погибла во время испытаний на прочность – хозяин уронил на неё станину компрессора... Ах, это был дерзкий, но удачный эксперимент!

– Н-да... Но так всё равно, я не об этом! Ты же знаешь, в девяноста процентах из ста, когда я говорю о мерзости, я имею в виду этого треклятого Шарика, чтоб он околел, этого симулянта!

– Ну, тише ты... Шарик – это действительно... э-э... асоциальный элемент.

– Да какой там элемент, моя пышечка! Это ж сволочь самая настоящая, по нему ж давно эксперимент на ударную вязкость плачет!

– Ну, завёлся... Я бы не в жизнь не стала марать руки об эту псину, но...

– Но её надо уничтожить!

– Нет. Сегодня 31 декабря как ни как.

– Ну?

– А под Новый год из Двери всегда кто-нибудь да выходит – вспомни позапрошлую зиму.

А в прошлый Новый год в форточку Михалыча...

– Ой, и не напоминай...

– ... со стороны города влетал костюм.

– У Михалыча дом ещё похлеще нашего, – содрогнувшись, проворчал Чёрный Кот, – у нас-то хоть одна Дверь, а у этого бедолаги их три! Как он вообще там живёт, не пойму...

– Для этого, мой дорогой, и придуман матушкой природой алкоголизм, иначе не видать бы на Земле ни пророков, ни Мессий.

– Это точно.

– Так что на всякий случай Шарика нужно временно нейтрализовать. Впрочем, эту тварь можно нейтрализовать и на постоянной основе.

– О-ох, я бы его на постоянной основе так бы... нейтрализовал! – выпустил когти Чёрный Кот.

– Ладно, есть у меня тут... м-м... одна идеяка.

– Ой, как замечательно, ну и...

– Значит, так.

Пока Роман сидел на кухне в ожидании гостей, а Ким и Клим только выходили из автобуса, кошки обсуждали подробности карательной операции против Шарика. Бедняга пёс так успел насолить им за те полгода, пока жил у Романа, что они приходили в ярость не то что при одном его виде, но и при малейшем звуке громахающей во дворе цепи! А поскольку Шарик было совсем не свойственно сидеть на одном месте даже минуту, то понятно, что цепь громахала непрерывно. Это вынуждало хозяев иногда закрывать его в будке. В подобном случае он, впрочем, тоже не терялся и начинал монотонно выть. Большую колоду, которой закрывалась будка, отодвигали, Шарик выскакивал на оперативный простор, и всё начиналось сначала. Разнообразие он не любил, а поэтому вскоре надоел абсолютно всем. Мало того, как-то по весне, пребывая в игривом настроении, Шарик так лихо схватил Котю зубами за хвост, что едва не лишил его важнейших органов, а это так просто не забывается. С этого всё и началось. Их вражда была настолько яростной, насколько враждебно само отношение собак и кошек друг к другу.

Итак, Чёрная Кошка и Чёрный Кот выходили из подвала в холодный коридор, освещённый только месяцем, выглядывающим из окошка под потолком. Но в таком сумраке любой бы отдал голову на отсечение, что по коридору крались Ведьма и Троль, – сгорбленные, озирающиеся по сторонам, боясь, как бы хозяин опять не пошёл проверять баню и не натолкнулся на них. Ведьма осторожно взялась за ручку двери и, отворив её, ловко прошмыгнула в ту самую комнату, где был старый камин. Троль прокрался за нею и тихонько притворил за собой дверь. В доме не раздалось ни звука. Только Шарик на улице встревожено поднял одно ухо и потянул носом воздух. Он знал этот запах.

* * *

Ведьма вытащила из укромного уголка метлу, её спутник отодвинул в сторону каминную решётку, и вдвоём на метле они вылетели через дымоход на улицу...

В тёмной комнате стало тихо. Из окна падал лунный свет, заливая собой огромную картину, некогда рисованную самим хозяином прямо на стене. Произведение носило явно буколический характер, о чём красноречиво свидетельствовали, во-первых, могучие, я бы даже сказал, гипертрофированные сосны на переднем плане, во-вторых, миниатюрный домик, который при ближайшем рассмотрении оказывался почему-то Старообрядческой молельней. Сия мирная картина была выполнена не без вкуса и при определённых обстоятельствах могла даже излечивать от хандры... Из домика вышел человек. Озираясь, он подошёл к краю картины и заглянул в Каминную комнату.

* * *

На улицах посёлка было пусто – все как один смотрели боевик по второй программе. Но если бы в это время старина Михалыч из дома напротив вышел бы покурить на крыльцо, он бы увидел, как из трубы соседнего коттеджа поднялись две тени и растворились в чёрном небе. Но, вправду сказать, кто же в этакий мороз пойдёт из дому? Даже на том конце посёлка, где для всех прохожих путеводной звездой горел призывный фонарь пивбара «Марина», не наблюдалось никакого движения. Вверху мороз был ещё крепче. Возможно, поэтому подозрительные тени, облетев разок вокруг посёлка, сразу принялись за работу. Шарик сидел в будке тише воды ниже травы, хотя запах своих недругов учуял уже давно. Те, воткнув метлу в сугроб, принялись неистово ворошить снег вокруг дома и раскидывать его во всех направлениях. Шарик сообразил, что творится что-то неладное, но слазить с тёплой соломы не решался. Вскоре небо стало затягиваться белёсыми облаками, звёзды пропали, налетел ветер, и первые снежинки упали на влажный нос Шарика.

– 3 –

Роман Сергеевич Салогуб был человеком практичным, трезвомыслящим, хотя выпить любил. Ещё в ранние годы жизненной целью своей Роман провозгласил борьбу с демократией и возрождение Патриархата, причём, в том виде, в котором он существовал до 1917 года на Кубани. Именно на Кубани! Естественно, с иллюзией разлить идиллическую чашу своего Патриархального влияния на территорию всего государства он расстался довольно быстро, а посему решил ограничиться, так сказать, локальным Патриархатом. Для осуществления данной утопии не хватало трёх вещей: усадьбы с личным подворным хозяйством, боевого коня и жены. Требования к усадьбе ограничивались полной термовлагонепроницаемостью, добротностью и изяществом отделки. Требования к боевому коню пока не имелось вообще ввиду отсутствия такового, зато к будущей хозяйке их было, как говорится, по самое «не хочу». Первое и основное требование – по форме и содержанию она должна быть классической Русской бабой, то есть, как в литературе – и в горящую избу и коня на скаку. Во-вторых, необходимость трепетать пред мужем должна быть её генетической необходимостью и естественной потребностью. В-третьих, она должна быть из добропорядочной исконно Русской семьи, во внешности иметь благообразие и опрятность, а также надлежало ей быть трудягой, – чтоб пахать от зари до зари, здоровье иметь богатырское – не хворать ни в мор, ни в чуму, знать всё, что полагается знать хозяйке и не иметь дури в голове.

К тридцати годам Роман Сергеевич Салогуб получил от Господа Бога всё, что хотел. Здоровья и сил ушло на это немало, но, что называется, терпенье и труд всё перетрут. Локальный Патриархат стал реальностью. Теперь по выходным дням, в основном до или после сбора

урожая, Роман приглашал старых друзей для демонстрации достижений Патриархализации. Выглядело это примерно так. В начале гости совершали обход владений, отвоёванных кровью и потом у демократии. Сколько бы раз ты не осматривал их за год, но выпить с чистой совестью кружку доброго пива за здоровье хозяина без этой процедуры было органически невозможно, ведь любовь к славным традициям – закон Патриархального быта. Начиналось всё с конюшни и свинарника, по которым гости лазили в специальной, выданной по этому случаю одежде, а заканчивалось – на наблюдательном посту на крыше, где был установлен телескоп и автомобильное сиденье для осмотра дали. По окончании осмотра подворья, гостей ждал осмотр семейства. Происходило это таким образом. В большом зале часть гостей развлекаются игрой на компьютере, остальные сидят на диване и ведут неторопливую беседу. И тут Роман, как бы вспоминает, а не позвать ли нам хозяйку? Отчего же, отвечают гости, можно и позвать. «Дарья!» – зовёт Роман зычным голосом. Словно Сивка-Бурка, как из-под земли, возникает жена, так же как и хозяин, одетая в русскую одежду начала века. А ну, Дарья, говорит Роман, принеси-ка гостям кваску холоденького. Дарья улетучивается и через миг появляется с кружками кваса на подносе и раздаёт их гостям с каменным выражением лица. А приведи-ка нам, Дарьюшка, говорит хозяин, наших молодцов-сорванцов, пуцай пошальят немного. Дарья пропадает и тут же появляется с ребятишками года по два-три. Вместо того чтоб шалить на потеху гостям, они начинают орать и проситься в туалет, и Дарья уволакивает их за шиворот. Славные детишки, говорят гости, хозяин с довольным видом начиняет трубку, и на этом демонстрация заканчивается. Все возвращаются к своим занятиям.

Патриархальная идиллия длилась недолго. Наступили годы реакции. Жена незаметно вступила на путь демократии, то есть, в понимании Романа, оказалась стервой. Квас гостям более разносить отказывалась, мужу почёта не оказывала. Научилась выражаться бранными словами, при помощи которых ей в короткий срок удалось рассадить демократический сорняк на бескрайнюю колосающую ниву Патриархата. Дети росли слишком умными, поэтому отцу в его работе и борьбе не помогали. В возрасте Ильи Муромца и Христа наш Роман Сергеевич утратил веру в Патриархальную семью, расстался с мечтами и идиллиями и стал рядовым обывателем. Правда, со странностями. Например, в перерывах между работой на ферме занялся, как в юности, рисованием картин. Но солнечных пейзажей он уже не писал. Его образы стали ортодоксальны и героически бесстрашны, как будто могли компенсировать проигранную борьбу самого художника. Лучшей масляной картиной этого цикла по праву считается «Будённый, усами закалывающий своего сына». Таким вот образом Патриархат перешёл на нелегальную квартиру Искусства – единственное место, где находят себе приют все несбывшиеся надежды неудачников-идиалистов.

На момент нашего повествования Дарья лежала в роддоме, готовясь осчастливить мир вторжением в него ещё одного Романовича. Молодцы-сорванцы по причинам разных мелких болезней гостили с пятницы у бабушки в городе. (Роман только-только вернулся от них – устроил им Новогодний праздник, уложил спать и, посетив Дарью, отправился охранять дом).

И вот Хозяин наслаждался тишиной, столь редкой для этого дома, и покоем – не менее редким. Как однажды сказал Ким, глядя на закат за Обью, – «Хорошо, когда светит солнце и не бомбят». Роман ощутил это только теперь – на два дня в доме был объявлен мораторий на детский визг и пиление Дарьи. Это был первый Новый год, который Роман Сергеевич мог со спокойной душой праздновать с друзьями по оружию.

* * *

Натаскав собаке полную будку соломы, Роман поспешил вернуться на кухню. И как раз вовремя – чайник кипел всюю! Выключив газ, хозяин достал из шкафа новую пачку заварки, распечатал её (это была, конечно же, «Принцесса Канди» за 5.40), потом достал из стола изящ-

ную серебряную ложечку со следами засохшего паштета, скептически осмотрев её, тщательно вытер рукавом рубахи и только после этой процедуры залез ею в благоухающее лоно «Принцессы Канди». В огромный глиняный стакан, сделанный им самолично в бурные дни увлечения гончарным ремеслом, он насыпал ровно три ложечки чаю, потом задумался и загрузил ещё пять ложечек. На полированной глади стакана от руки был нацарапан знак Тельца ♉, которого раньше вроде бы тут не было. Роман, прищурившись, попробовал отскоблить его ногтём, но тщетно. «Кто бы это мог испохабить стаканчик? Кимовские штучки», – подумалось, словно сквозь дремоту. Из горячего чайника поднимался пар, обволакивая лицо причудливым танцем мгновенно меняющихся цветков. Сразу потянуло в сон.

– Зачем нам бежа-а-ть... – тихонько напевал хозяин, наливая в стакан кипятку. За этой неторопливой манипуляцией его застал оглушительный треск из динамика «Маяка», ознаменовавший собой воскрешение радиоточки после вчерашней бури. Матерясь на весь первый этаж, Роман устремился к раковине, остудить ошпаренную руку. Фамилия изобретателя Попова доносилась из ванной попеременно с грохотом падающих тазов, но, разумеется, она упоминалась отнюдь не в связи с курсом физики слабых токов.

После многочасовой спячки радиостанция «Маяк» орала на весь дом:

– «...под кожу человека, а ещё через 10-12 лет компьютер будет вырабатываться железами внутренней секреции, что и послужит толчком к тотальной киборгизации человечества. Преимущества такой эволюции неоспоримы... »

Из ванной донёсся голос Романа:

– Киборгизация, бл... Изобретатели хреновы...

Ведущий, однако, не растерялся и продолжил как ни бывало:

– «... можем ли мы с уверенностью говорить о бессмертии человечества уже сейчас? Да, можем. Компьютерная техника уже в недалёком будущем сделает миф о духовном возрождении человека реальностью. Но готовы ли наши простые граждане к такому виртуальному, я бы сказал, преобразованию? Нет, не готовы. И по какой причине? А вот об этом мы поговорим после короткой рекламы».

Роман с угрюмым видом вошёл на кухню и хотел уж было сесть послушать, но его рука, адресованная на слово «реклама», автоматически легла на регулятор громкости и неосознанно увернула звук. Тишина нависла как-то чересчур внезапно. Хозяин подошёл к столу и минуты две смотрел на лужу воды, неторопливо стекающую со стола на пол. Этот древний символ, казалось, подтвердил его худшие опасения. Но что это были за опасения, не знал даже он сам. Какие-то упущенные возможности, предчувствие будущего – трудно сказать, что это было, просто что-то звякнуло в колокольчик в его внутренней двери, так, едва слышно, словно кто-то робкий и продрогший от непогоды, измученный долгим странствием просился переночевать. Дверь слегка приоткрылась, но за ней стояла такая страшная ночь, такая пугающая, так близко напоминающая сумерки смерти, что дрожь пронеслась по всему телу, и дверь с грохотом захлопнулась перед самым лицом испуганного пилигрима. Он понимающе усмехнулся и побрёл себе дальше, и ночь, так испугавшая хозяев, как преданный пёс, всё путалась у него под ногами.

– Киборгизация... – пробормотал Роман, почесав бороду, а потом, словно вернувшись к реальности, вспомнил: – Э, да я же чай хотел пить!

Вскоре со стола было вытерто, чай заварен, а смертоносный «Маяк» навеки обесточен. Хозяин облегчённо вздохнул и хлебнул из горячей кружки. Где-то наверху часы пробили десять.

– Зачем нам бежа-а-ть, – тихонько напевал Роман, – за семь синих море-э-эй... Да-а, а ведь погода-то портится.

За окном и вправду творилось что-то невероятное. Только что из-за деревьев украдкой выглядывал месяц, а теперь вдруг разом стемнело и пропали даже самые яркие звёзды.

– Как бы, того гляди, метель не разыгралась, – озабоченно пробормотал хозяин, прихлёбывая из кружки. Словно в подтверждение его слов, потихоньку начал завывать ветер. Через минуту стеной повалил снег, и началась метель. Роман поднялся с табуретки и выключил свет. Теперь можно было поглядеть на разыгравшуюся бурю за окном и поразмыслить в темноте, придут гости в такую погоду или не придут.

А вверху на крыше, на самом краешке трубы сидели Ведьма и Тролль. Они любовались на своё произведение и переводили дух перед тем, как вернуться в дом. Тролль был рад как никогда: будка Шарика вместе с самим Шариком была погребена под полутораметровым слоем снега.

– Теперь-то он точно околеет, – облегчённо вздохнул Тролль. Он был весь в снегу и сосульках с ног до головы. Его чёрные смёрзшиеся пряди развевались на ветру и звенели, как детский металлофон.

* * *

Они очутились в комнате как раз в тот самый момент, когда за дверью раздались шаги, и голос Романа ещё издали провозгласил: «Иду-иду!» В каминной комнате звенел телефон.

– Проклятье, – процедил сквозь зубы Тролль и с недовольным видом стал залазить под кровать. – Не дадут отогреться спокойно!

Ведьма успела-таки швырнуть в угол метлу, а когда хозяин уже распахивал дверь, она тенью метнулась к вешалкам и обратилась чёрной шалью. Роман вбежал в комнату и схватил телефон:

– Да, аллю, я слушаю! О-о-о! Сколько лет, сколько... Ну, ты как там? А-а. А чё так? У-у... О-о... Ясно. Да чё я? Вот сижу, жду их. Ну, а кого ещё?... Когда-когда? После одиннадцати только подойдут? А чё так поздно-то? Ну... ну, ладно, даже романтично, в каком-то смысле, вся ночь впереди, кстати – с наступающим тебя! Да... угу... и тебе, и Светику, всем здоровья, бодрого президентствования и... (начинает громко хохотать). Ладно! Дедом Морозом? Под стол? Нет уж, ты ведь знаешь – я слишком изнежен для этого. Кстати... да, там такой морозина!... Да какая ёлка! У себя в зале нарядили, да... а на городскую... Не, не... Дом надо сторожить, какие тут ёлки... Сижу, баню топлю, вот, котов кормлю, кроликов... Конечно! Но всё равно дома сидеть уж немоготу, мож сбегать за пивом, разомнусь на полчасика. Тем более, если они только после одиннадцати подойдут... Да как обычно, культурная программа: баня, концерт и всё такое... Слышь, Геш, это не ты у меня в прошлый раз сумку оставил?... Чёрная. Ну, понятно. Значит Фёдор. Он у меня чё только не терял! А ты-то чё, завтра заедешь? Ну, после, хотя бы... В выходные с «Моторного» автобус идёт, а в будни... Нет, в будни с «Октября»... в обычные по старому, с «Октября».э Кто? А-а... Да можно и послезавтра. Послезавтра тоже культурная программа... Ну, и что? Зачем, можно и к Оби... Ну, смотрите там сами. Да. Завтра – ещё лучше. Подъезжай завтра! Ничего не знаю! Завтра жратвы ещё будет полно, вина полный таз... Ладно, давай к двум... Ага... Ну, окей... Если забуду, то... Ну, давайте там... Ага... Чао... Конец связи.

Роман положил трубку и встал с кровати. Почесал бороду и чему-то усмехнулся про себя. Сделал шаг, другой и тут ему показалось, что на полу – вода. Она была перемешана со снегом и, казалось, шла из-под кровати, на которой он только что сидел, болтая по телефону. Роман присел на корточки и, кряхтя, с недовольным видом заглянул под кровать.

– Ах, вот кто здесь! – воскликнул он и вытащил на свет мокрого, продрогшего, всего в сосульках своего любимого Чёрного Кота.

В половине одиннадцатого во всём посёлке отрубил свет. За окном по-прежнему плясала метель, в огромном доме стало темно и жутко. Знакомые вещи и предметы наполнились таинственным смыслом и зажили своей ночной непостижимой жизнью. Стулья заскрипели громче и жалостливей, как раненные звери, ложки и тарелки норовили звякнуть и выпасть из рук, а звук шагов, чего вроде бы и не было днём, эхом разносился в пустом доме, как в лабиринте старинного замка. С выцветших портретов давно умершие люди многозначительно хмурились и заглядывали в комнату, проверяя, на месте ли старые вещи. На улице дрожали и гудели провода, будто силились исполнить забытый боевой гимн.

Зимний карнавал был в самом разгаре. Каких только гостей тут не было! В неистовом хороводе метели можно было различить развевающиеся плащи и знамёна воинов, уносимых Валькириями под душераздирающий рокот барабанов на север. Караваны с Востока проносились, охваченные белоснежным пламенем. Мудрецы Китая поднимали кисти над невообразимо огромными мольбертами и, едва коснувшись их, рассыпались в прах, как ворох сухих листьев. Шпили соборов тянулись к земле, рассеивая по ней сокровища пиратов и испанских флотилий; застывшая вода в океанах бирюзовым лаком вздымалась ввысь в переливах жидкого льда. Вновь послышался уже знакомый тихий звук колокольчика у невидимой двери, и усталый пилигрим присел у порога с чашей для подаяния. Впустившему его в дом он за одну миску похлёбки был бы рад поведать о непостижимом мире по ту сторону Царства, о берегах Шотландии, которых никогда не было ни на одной карте, о Будущем, которое уже кануло в лету и Прошлом, час которого ещё не пробил. Но редкий хозяин отважится открыть свою дверь чужаку. Когда ночь поднимает покров Неведомого, бойницы пестрят от нарядов бессонной стражи, – все готовы и все начеку.

Роман очнулся. Надо же, так быстро задремать. Дрожащей ладонью он вытер пот со лба и зажёл свечку, чтобы не было так жутко на душе. Взгляд упал на обложку книги И. Лаврецкого о Че Геваре, которую он читал всю последнюю неделю, но сейчас она бы не спасла. Роман отложил её подальше на заваленный таблетками и пачками «Луча» подоконник. Он принялся перечитывать книжку, которую написал и вместе с Севкой смастерил Ким ещё той весной. (Единственно надёжное спасение от бездны Необъяснимого – это мелководье Интеллекта, как говаривал Ким, когда принимался что-то читать.) Книжка называлась «Сказка о Некто и Лесном Духе». Роман подцепил хлебной коркой малинового варенья из блюда, уселся за столом поудобней и стал читать с того места, где была закладка.

...А в летнюю пору сдружился Некто с Духом Лесным. Бывало в июле сядут на пригорок перед избёнкой и давай играть да петь. Дух Лесной в корягу дудит, а Некто голосит медвежьим басом. Тут и звери сбегаются украдкой на такое диво поглазеть.

Тёплыми летними ночами, пока Некто храпел в своей избёнке, Дух Лесной ходил-бродил аж до самого Озера и костры разжигал. Мож заблудится кто, глядь, а вот и костёр, а на нём – щи да каша. Потом Дух Лесной забирался на свою любимую высоченную Сосну-Соснищу, доставал пригориней из головы весь мозг и развеивал его над миром.

– 4½ -

«И зачем, спрашивается, меня понесло из дому в такую погоду?» – поражался Роман, надевая фуфайку, ватные штаны, валенки и шапку-неведи... э-э ушанку. Однако для рядового жителя посёлка ответ не таил в себе парадокса: в метель, пургу и лютую стужу с дивана может согнать только мысль о заветном столике в пивбаре «Марина». Сие питейное заведение на беду стояло недалеко от романовского подворья – три минуты ходьбы через огороды, и вы на месте. У его фонаря, болтающегося под дверью от резких порывов ветра, стояла одинокая «Нива», уже прилично заметённая снегом. Вырвавшись из бушующей непогоды к источнику света, Роман сказал «Бр-р», шумно высморкался перед входом и поспешил зайти внутрь.

Тепло-о-о! Слегка ухватив за нос, его приветствовал запах мужицкого пота и копчёной рыбы – что может быть родней и слаще в такую пору! Вместо музыки из-за прилавка в дальнем углу бара доносились позывные Радио России. Накурено было изрядно. В тусклом свете доживающей последние дни лампочки просматривались четыре столика. За первым, судя по замасленным телогрейкам, сидели шоферы с местной птицефермы. Второй столик оккупировали два зекообразных коммерсанта, развлекающие трёх девиц. Коммерсанты через каждые полминуты сбрасывали со своих сотовых телефонов сообщения себе же на пэйджеры, что приводило девиц в неопикуемый восторг. За третьим столиком болтали о ценах на молоко два деда, одним из которых был по традиции Михалыч, и какая-то незнакомая бабка классически бомжового вида. Как это ни парадоксально, все трое пили «Текилу», причём расплачивалась бабка. Откуда они взяли эту «Текилу», было не понятно. Хотя вернее всего, это была просто самогонка, перелитая в изящную бутылку для «куража». Эта славная тройка сидела под фундаментальной репродукцией картины «Иван Царевич на Сером Волке». Репродукция в некоторых местах была изрядно подпорчена кетчупом и остатками китайской лапши – вчера Михалыч и его кум Налимов были в таких мощнейших «куражах», что не приведи Господь!

За столиком, ближним к прилавку, к своему удивлению Роман увидел Лизу Радужкину, или Радугину, Бог её знает, которая в гордом одиночестве пыталась раскусить полузасохшее пирожное и запить его стаканчиком «Пепси-колы». Маленький комментарий: Роман Сергеевич Салогуб вёл факультатив по рисованию и дизайну в местной школе, так, забавы ради, и эта самая Радужкина, или Радугина, была его ученицей. В школе, да и во всём посёлке, её звали зачастую просто Радугой, чему она не сопротивлялась, а даже наоборот... Знаете, что? Пока Роман отряхивается от снега и отколупывает сосульки с бороды, давайте-ка я быстренько расскажу вам о нашей Радуге; ей Богу, она трижды того стоит! Хотя чего это я буду рассказывать, когда можно взять сентябрьский номер «Поселковых ведомостей» да и всё о ней прочитать. Видали! Какова знаменитость! Вы поймёте, она что-то вроде подпольного вундеркинда, – в 17 лет (как раз на момент интервью) рассуждает, как будто бы прожила большую интересную жизнь. Кстати, как вы позже узнаете, жизнь её действительно была, скажем так, насыщенной. В хорошем смысле.

Корреспондент: — *Лиза, страшно было читать все эти подробности о самолёте?*

Радуга: – *Это был даже не страх, а что-то сродни ... даже не знаю, как сказать. Мне, наверное, дали время сделать что-то, что в будущем смогу сделать только я, или... я не знаю, что уж я такого могу сделать? Изобрету вакцину от всех болезней? Я в Мед-то со второго раза поступила. Сегодня вот две лекции прогуляла... Ну, в общем, в тот день я села на диван и по-настоящему поверила в Бога.*

– Ты ходишь в церковь?

– Нет, просто перед сном порой читаю Евангелия. Это выносит или выбрасывает – как это назвать – точку концентрации моего вот этого – ума или сознания, что ли, из моей личности в пространство, в окружающий мир. А то, знаете, когда постоянно вращаешься вокруг своих мыслей, вокруг своего такого мирка, то вот у меня лично появляется ощущение, что я превращаюсь в пылесос! Да, в пылесос, который хочет проглотить самого себя. Понимаете, когда твоя личность всегда в центре внимания, твоего собственного внимания, окружающий мир постепенно сжимается до размеров точки, а твой собственный – разрастается, как атомный гриб. И вот внешний мир исчезает – это и есть смерть. Поэтому я читаю книги, которые вытаскивают меня из моей шкуры.

– И давно?

– Нет. С момента, когда разбился самолёт.

– Как ты узнала о катастрофе?

– По телевизору в гостинице. Сразу позвонила маме, сказала, что жива, что никуда не летела. А ведь хотела, я вообще люблю путешествовать, мечтала на Лондон посмотреть,

тем более, олимпиада была позади, и здорово психанула, дура, когда у меня билет украли (Слава Богу!). Помню, тогда подумала, вот, не достойна я всего этого, в смысле – на мир посмотреть, выбраться из своего болота. А вот на тебе – наоборот всё оказалось.

– **Из тех ребят ты кого-нибудь знала хорошо?**

– Да. С Тянь Но Ю в одной комнате в гостинице жили, она третье место заняла. Потом Маша Ростовцева тоже, мы с ней ещё в Новосибирске на отборе познакомились, с японскими ребятами на ВДНХ ходили и на хоккей в Лужники, много было знакомых, Мацуру жалко – он первое место занял, мальчик с Хоккайдо. Он мне настоящую самурайскую стрелу подарил... Ни в жизнь на самолёте не полечу. И вообще, запретить их надо, нельзя человеку летать, пусть вон птицы летают, у них крылья.

– **А на олимпиадах будешь выступать?**

– На олимпиадах буду, без биологии скучно жить. Да к тому же, второе место – это не первое, есть мотивация побеждать в следующий раз. Только поеду на поезде...

...

– **Если не секрет, чем сейчас обеспокоена современная молодёжь?**

– Современной молодёжи нет времени сейчас беспокоиться, все в полном спокойствии трясут родителей купить им новые гаджеты, а главное – обновления, обновления, обновления! То есть в нашем классе, на пример, все сейчас удовлетворяют стремлению рынка сбавить его продукцию. Предложение рождает спрос – вот в чём уникальность нашего времени, не спрос рождает предложение, а наоборот. Причём предложение любое. Мы берём всё, что дают. Горстка людей решает, что нам слушать, смотреть и как одеваться... А вообще, спросите меня лучше, как я сейчас провожу свободное время.

– **Расскажи, как ты сейчас проводишь свободное время?**

– Да как? Природу охраняю (улыбается).

– **Кстати, с чего всё началось, а имею в виду твои знаменитые экологические акции.**

– А-а. Это Вадик придумал, когда мы...когда мы на Озере сидели, он сказал, что вот, давайте пионеров из лагеря соберём – а рядом лагерь был – и организуем сбор мусора вокруг Озера. А там всё завалено всякой ерундой было, ужас, как там дети купались, я не знаю. Я говорю, давай.

Взрослые относились к ней, так скажем, позитивно, особенно те, кому она помогала, но всё равно как-то с опаской – хорошая, конечно, но больно уж чудная девка, так про неё говорили в Посёлке. Зато для сверстников своих Радуга была безнадежно потерянным человеком: подумать только – ходит без телефона и не тусуется в клубе, и это в наше-то нелёгкое время! На переменах в учительской педагога нередко вели душевные дискуссии о причинах её альтруизма и филантропии. Говорили и о формирующем влиянии матери, которая была видной общественницей и всегда ругалась на собраниях с председателем поселкового совета, и, разумеется, упоминали о благоприятном воздействии школьной среды (когда поблизости находилась директор школы). Однако самым проницательным психологом и чтецом подростковых душ оказался уже упоминавшийся сосед Романа по переулку старик Михалыч.

– Вы думаете, чё она НЕ КАК ВСЕ ЖИВЁТ? – вопрошал пьяный до последней степени Михалыч, сидя как-то вечером в «Марине». – Девка на выданье, а замуж-то никто не берёт!

– Так она ж в школе ещё учится, Михалыч! – отвечали ему.

– И што – в школе? Когда я в школе учился, у меня трое детей уже было! И все от разных жён.... Так вот почему она не от мира сего? Вопрос, однако! А вот и ответ – РОЖЕЙ НЕ ВЫШЛА!

Конечно, в чём-то он был прав: на Радугу мало кто обращал внимания, одевалась она, как беспризорник, старалась вообще быть незаметной. Она была маленького росточка, издали её можно было вообще принять за брошенного ребёнка. Следовательно, по теории Фрейда-Михалыча вполне логично, что поток незадействованной энергии нашёл для себя иное русло.

Но ведь с другой стороны, можно было бы найти занятие и попроще из того убогого списка, который предлагает не склонная к романтике социальная среда.

Однако список сей был Радугой в клочки разорван! Она была максималисткой безбожной, если так можно выразиться, впрочем, как и все подростки, с тем лишь отличием, что свои идеи о Всеобщем счастье (как она его понимала) Радуга умудрилась в той или иной мере реализовать. Вот в чём парадокс. У неё был Дар убеждать. Из её глаз струился поток необъяснимого свойства энергии, которая каким-то неведомым науке образом подчиняла и вела за собой. Когда она – тусклый умирающий мышонок, сливающийся с такой же серой пеленой обыденности, поднимала на вас глаза, то вам хотелось для этих живых клокочущих тайной энергией глаз сделать всё, на что вы способны. Лучшее для неё сравнение – это фонарик, невзрачный предмет, уместающийся в ладони. Но стоит нажать на кнопку, и этот фонарик озарит темноту, как вспыхнувшая сверхновая звезда.

Организованные её агитацией пионеры из лагеря за один летний сезон очистили Озеро, да так, что местная организация зелёных не на шутку встревожилась – такое фундаментальное мероприятие и без руководящей линии! Она собирала деньги для малоимущих, завлекая различные компании в обмен на рекламу в местной газете, и ей, семнадцатилетней девчонке, никогда не отказывали.

Только Роман знал о том, как она доставала эти деньги. До фестиваля, о котором речь впереди, она могла разговаривать только с ним, со своим бывшим учителем рисования (Роман вёл факультатив для будущих «художников-неудачников», как он выражался). Потому что именно он сделал её ТАКОЙ своими разглагольствованиями на уроках! Но вот об этом Роман не догадывался. И это был главный секрет Радуги. Она обожала его, тридцати трёх летнего женатого мужика, отца двоих детей, обожала, но, как сказал поэт, «странною любовью». Он был её Учитель, её гуру – так она придумала для себя, потому что хотела, как в Древней Индии, чтобы у неё тоже был Просветлённый Наставник. Роман подходил по всем показателям для данной вакансии, хотя он об этом, вестимо дело, не подозревал. И сам того не зная, Роман наш свет Сергеич вылепил её, как из глины, по образу своих давнишних-предавнишних идей, о которых болтал в своё время, но в которые уже не верил сам и по которым уже давно не жил, однако по инерции извлекал их из своей головы для «расширения кругозора подрастающего поколения», как он говорил. Вот и доизвлекался, вот и расширил кругозор.

Вопрос: как Радуга доставала деньги?

Она просто видела из окна автобуса богатый офис, заходила в приёмную к начальнику и, вот этот серенький малыш, рукавом вытирающий шмыгающий нос, с большими голубыми глазами говорил: «Помогите. У меня мама умирает. Нужно двадцать тысяч на операцию. О вас узнает весь город и весь наш Посёлок. Я работаю в газете. У меня с собой верёвка, и я готова повеситься у вас в вестибюле. Помогите маме». И она так смотрела своими огромными детскими заплаканными глазами в глаза тому оторопевшему индивиду в кожаном кресле, любителю шансона, что он сам, толстозадый ворюга, завравшийся слизняк, заливался слезами, снимал с руки перстни и часы и протягивал ей, глядя преданно, как раб на господина.

И так она объездила весь город. И ей всегда давали денег! И никто никогда не просил никакой рекламы взамен. Она сама её делала на оставшиеся деньги! Ей с мамой, поди, и жрать-то было нечего! «Нет, это поразительно!» – говорили учителя в школе и смотрели на неё, как на ходячую икону. О ней стали писать в поселковой газете.

Да и как об этом было не писать! Кому-то нужна была серьёзная операция – Радуга вытрясла деньги с фармацевтической фирмы. Она заходила в офис с сумкой, в которой прятала 10-ти литровую канистру. «Мой годовалый братик при смерти. Помогите. Я сирота, я не хочу, чтобы он умер таким маленьким, но он уже умирает. Дайте деньги на похороны. Он ведь всё равно умрёт. Я сейчас обольюсь бензином...». И хозяйка фармацевтической фирмы, беспринципная тварь, разорившая своих собственных родственников в угоду бизнесу, растолкавшая

локтями всех таких же, как она, лизоблюдов, стоящих на пути к её персональному счастью, эта костлявая селёдка отдавала Радуге всю наличность, которая была в офисе и просила, нет – молила, зайти ещё! Не скрывая слёз, она обнимала Радугу, целовала её в лобик по-матерински, гладила по щёчкам и предлагала подкрасить губки своей помадой.

Кто-то спивался или «лечился» наркотой – она достаёт деньги, и людей устраивают (насильно порой) в соответствующие клиники. И никто не понимал, как ей – немодной, неинтересной, неразговорчивой – всё это удаётся! Михалыч хихикал: «Почему маманька-то не следит за её, тэк скеть, моральным обликом? А, мужики? Хе-хе». Роман как-то встретил её на остановке и передал слова Михалыча. «Дурак недоделанный ваш Михалыч. И алкаш», – сверкнула глазами Радуга. Роман согласился.

Весь Посёлок – и, возможно, в этом единственный недостаток её деятельности – был превращён в некое подобие рекламной тумбы, где мелькали названия всех отличившихся в том или ином богоугодном деле предприятий. Радуге предлагали стать толи менеджером, толи ещё кем-то в разных фирмах, но она, глупая, как была максималисткой, так и осталась – жила с мамой в деревянном домике, похожем на фургон бродячих актёров, на дальнем краю Посёлка и никаких предложений по трудоустройству не принимала. Это было видно по тому, что в любую погоду, ну, кроме жары, очевидно, она ходила в одном и том же – детская болоньевая куртка, джинсы, кроссовки, знаменитый её белый берет, – всё также оставалась худой, с впалыми щеками, какой-то растрёпанной (у неё всегда была короткая причёска и всегда её тёмные волосы были чисты, но спутаны, как у пацана после драки), да всё это так, но – слава Богу – с таким же таинственным, почти магическим сиянием огромных голубых глаз, которым она и вытворяла все свои «чудеса». Она их включала, как кнопку на фонарике. Её глаза не смотрели, они работали...

Она, входя в любое общество, излучала какую-то странную энергию, которую Роман называл почему-то, наверное, в шутку, «энергией дохристианского человечества». Может, так оно и было? Ведь каждый, разговаривая с ней или просто оказавшись поблизости, пытался казаться лучше, чем он есть, и какое-то время думал, что таковым и является на самом деле. Наступал некий временный Ренессанс. Но вот, взглянув на часы, Радуга уходила, и мир вокруг вновь погрязал в пучину борьбы за существование.

Зачем ей это было надо – кто её знает, но Радуга с невероятной быстротой научилась играть на гитаре и начала писать песни. После провала на вступительных экзаменах в Мед (она поступала туда в 15 лет с липовым аттестатом), Радуга с горя поехала на бардовский фестиваль в Повалиху (не сказав матери ни слова), спела там песню «Я уезжаю, товарищ» и заняла второе место (!), растолкав по пути к пьедесталу целые песенные коллективы, бардовские ансамбли и хоры одним только своим припевом «Кто ты, мой старый Товарищ?» Этот фестиваль, как выяснилось, стал переломным моментом во всей её короткой жизни.

Вернувшись в посёлок в бодром расположении духа, она продолжила начатую ещё по зиме Тимуровскую работу (организовала школьников из детдома помогать старикам – немыслимая по нашим временам затея!) и... неожиданно обнаружила, что у неё появилось много друзей, о которых она раньше и не знала. Её стали приглашать сверстники на дни рождения и просто погулять по улицам, причём, раньше она бы только сморщилась и удрала домой, а сейчас, после фестиваля, ей стало интересно быть там, где много людей. Она уже не дичилась мира, как раньше, и кто знает, может быть, из-за того, что сама строила этот мир своими руками?

Её уже никто не считал отставшей от жизни, и она всерьёз подумывала о том, как бы избавиться от своего белого берета и детской болоньевой куртки.

Можно было бы ещё рассказать пару историй про Радугу, но – да простит меня благосклонный читатель! – у меня уже нет времени на воспоминания, так как Роман только что купил две полуторалитровых бутылки пива и вот-вот пойдёт к выходу из тёплого бара.

Итак, вернёмся к Роману. Надо сказать, чувствовал он себя как-то странно. То ли было так сильно накурено, то ли что, но образы сидящих за столиками людей почему-то слегка подрагивали, словно готовились улетучиться вместе с дымом; на них было тяжело концентрироваться. В проплывающих волнах тумана над входной дверью проявился символ Близнецов – II , хотя, возможно, это была просто трещина в стене.

– Роман Сергеевич! – окликнул чей-то голос. Это была Радуга. Роману не хотелось, чтобы Ким и Клим не застали его дома, а потому решил перекинуться с бывшей своей ученицей только парой слов и быстренько бежать домой. Он развернулся и, приветливо улыбаясь, подошёл к столику.

– Пошто шумим? Как дела?

Радуга убрала с соседнего стула свою шапку и почтовую сумку, из которой торчали конверты и газеты, и пригласила сесть. Роман сел.

– Ну, здравствуй, Радужкина! Сколь женихов насобирала за отчётный период?

– Здравсьте, но я – не Радужкина, Роман Сергеич, я – Радугина.

– А, ну, слава богу. Пиво пьёшь?

– Нет. Вы же это прекрасно знаете.

– Ну, эт я так, для поддержания беседы...

– Хотите пирожное?

– Не, ты ешь-ешь. Как сено? Как кролики?

– Сено-то? – Радуга разжевала пирожное и теперь проверяла, не выпала ли пломба. – Да я, Роман Сергеич, хозяйством не занимаюсь, вы ж знаете.

– Знаю, – кивнул Роман, – и не одобряю.

– Сами ж нас учили быть выше этих... мелкобуржуазных интересов – удавки творчества.

– Про удавку говорил, помню, – согласился Роман, – но ты ж меня цитируешь совершенно вне контекста. Это ж я тогда вам, вроде, про Шишкина, про Иван Иваныча сказывал, про его время... про...

– Всё равно. Мне тогда понравилась ваша фраза, что накопительство материального, как же там...

– ...растрата возможностей духовных. Это не я, это один мой друг сказал, Эразм Роттердамский. Видишь ли, так-то оно так, но в жизни надо ведь того... жрать чё-то! У меня вот, – Роман стал загибать пальцы, – кролики, куры, утки, кошка, кот, псина, Конь, правда, мы уж продали его, но не важно – и так далее. Понимаешь?

– А я, может быть, завтра умру. Так на кой мне все эти утки? – Радуга склонила голову. – Ну, выращу я этих утиков кровью и потом, — с сарказмом произнесла она давно заготовленную речь, — ну, съем я их всех, ну, схожу в туалет, опять выращу, опять съем, опять в туалет; курятник – кухня – сортир, курятник – кухня – сортир...

– Ну, ты чего это – «сортир, сортир», – не одобрил Роман. – Прекрати уже...

– Хочется сделать что-то стоящее, Роман Сергеич. Чтоб после меня не только навоз от утиков остался. Взять к примеру Че Гевару. Он мир своими руками выгибал в другую сторону. Вот это жизнь!

– Ну, ну. Это, знаешь, что одному – романтика, то другому – инвалидность, – значительно произнес Роман. – Если бы у меня под окном кто-нибудь стал «мир выгибать» в нужную ему сторону, меня не спросясь, я бы ему станину компрессора на ногу уронил. Все эти романтики революции, – Роман махнул рукой, – ну их... Это как эзотерика – не лезь в запредельное для разума твоего! Не бери всё это потустороннее всякое, параллельные дела, там, и прочее. Живи, как говорится, проще, но со вкусом – дом, хозяйство, семья, чем не жизнь? А все эти мистики-эзотерики от лукавого! Прально? Вспомни ситуацию в Германии в начале 20-го века – раздолье для романтиков! К чему это привело? К тому, что вместо нашего кваса, мы щас пьём ихнюю «Пепси-колу», – Роман указал на стаканчик газировки. – А к проблеме материального и

духовного, ну, или там – Духа и Тела – мы с тобой всегда так или иначе возвращаемся сколько я тебя знаю. И тем не менее. Ты, Радуга, я вот поговорю с тобой, такое чувство, что ты с Плутона вчера прилетела, – Роман почесал бороду. – Но! У тебя есть своя Идея. Это очень по-человечески хорошо. И я тебя в этом понимаю и поддерживаю... в каком-то смысле. Но всё-таки, пойми меня, красна девица, Дух без Тела – пшик! И нету. Не слопаешь утиков – не напишешь песню, или что ты там сейчас сочиняешь. Улавливаешь, Громозека?

— Ну, улавливаю.

— Во-от. Я, на пример, сяду с утра сочинять предвыборную программу какому-нибудь депутату и, вот пойми, не могу! Не идёт лозунг и всё тут! Глупость лезет, а так, чтоб нутро пробрало – хоть тресни! И что я делаю, м?

– Что?

– Иду разгрести чердак! Таскаю мусор, работаю лопаткой – знаешь, инструмент такой музыкальный, лопата называется, ну вот. В бане ведро холодной воды на себя вылью, полотенчиком оботрюсь, мясо с грибами поем, чаёк попью. Вот и весь рецепт. Возвращаюсь к себе в кабинет – и махом две предвыборные стряпаю за час! Понимаешь? Тело и Дух так взаимосвязаны, что одно вытаскивает за собой другое. Плохое у тебя настроение – вскопай огород. И наоборот, болеешь – читай Пифагора, или, там, Агни Йогу, а лучше Новый Завет. Дух вытянет Тело из любой Кали Юги, уж мне поверь, – авторитетно заявил Роман и побарабанил пальцами по столу. – Ты ж когда тех оболтусов из полыньи вытаскивала, что ты там себе...

– Воспаление лёгких. И кое-чего ещё...

– Ну, вот. Я ж твоей мамане тогда советовал, и не валялась бы ты месяц в больнице. Есть такая вещь комплексная – молитва и пост называется. И антибиотики, конечно. Как общеукрепляющее... Прошлой весной тебе бы это в самый раз сгодилося. Уж мне поверь.

– Вот это была Весна..., – задумчиво проговорила Радуга, – так Весна! Такая, что не дай вам Бог, Роман Сергеич.

– Мда-а, – кивнул Роман и почесал бороду, усмехаясь. – Весна была ЕЩЁ ТА!

* * *

Та весна была и вправду «странной весной». Снега было на редкость мало (в декабре снега не было до 20-х чисел, в Новый год шёл дождь!), а Обь возьми и откройся в середине марта – явление редкое, да что там говорить – редчайшее! В народе поговаривали, что ось Земли после экономических реформ нашего правительства наклонилась сильнее, и климат теперь в Сибири будет чёрт его знает каким. Но, как бы там ни было, кое-какие рыжие в правительстве за всё это заплатят страшной платой, возможно, очень страшной, хотя, скорей всего, при нашей жизни мы это и не увидим. Старики ждали конца света, впрочем, когда они его не ждали? А ещё до того, как раз перед прошлым Новым годом, поползли слухи (после какой-то заметки в газете), что подорожает соль (почему именно соль?), все ринулись в магазины, раскупили всю соль, а заодно сахар и муку. Цены взлетели до небес, а потом до лета ни одна душа не купила и грамма вышеперечисленных продуктов – все запаслись под завязку, как перед доброй войной, и цены неохотно сползли вниз. Кто-то по телевизору мимоходом ввернул фразу о растущем дефиците в спичечной промышленности, и бабушки стали понимающе перемигиваться, направляясь в пять утра в поликлинику за талончиками. Спички в Посёлке были раскуплены в фантастически короткие сроки, и почему-то неожиданно с прилавков исчезла тушёнка. Потом пошли новогодние пьянствования; как гром среди ясного неба, наступило 23 февраля, плавно перетекающее в страшный праздник алкоголизма 8 марта. Только затем наступило короткое затишье.

Таковы были настроения в народе, когда в субботу 19 марта Радуга шла с остановки «двадцать пятого» домой. Бледное слепое солнце, цепляющееся за голые пальцы берёз, нелепые

замки-коттеджи, устремлённые ввысь, но на самом деле в никуда, чернеющий с каждым днём рыхлый снег, грязь и лужи, обойти которые и не замочить ноги требуется изрядное логическое мышление, лай цепных собак и уличных шавок, быстрые взгляды зализывающих свои раны котов, воробьи на разлитых по монолитным сугробам окоченевших помоях – так начиналась весна.

Кучка семиклассников, куривших один на пятерых бычок «Луча», ещё издали заприметила знакомую болоньевую куртку и белый берет Радуги – наряд, которому, как мы знаем, она была верна, не смотря на изменения погоды, с осени по весну. Джинсы с обшарпанной ковбойской бахромой и кроссовки советских времён также были её визитной карточкой практически круглый год. «Опять этот Козин, подлюка, – подумала Радуга, бросая быстрый взгляд в сторону ларька. – Чтоб вы все провалились».

– Смотрите, пацаны, Земфира с гастролей вернулась! – заорал шупленький мальчишка с маленькими глазками голодного хорька. – Автограф, мадам! Вот на этом клочочке туалетной бумаги!

Друзья начали покатываться со смеху.

– Ты, Козин, дурак, – ни на кого не глядя и не останавливаясь, произнесла Радуга, – и не лечишься.

– Ни чё се! – возмутился Козин, и вся компания сопляков двинулась на встречу Радуги. – Ну-ка, завалим её в сугробик!

– Ты щас по морде получишь, Козя, – сказала Радуга, освобождая руки из карманов. – Прошлый раз получил...

Кто-то схватил её сзади за куртку.

– Ах, вы, твари! – Радуга рванулась и оттолкнула напавшего.

– Чё, Серый, как у неё там?

– Так се.

– На абордаж!

С криком вся компания навалилась на Радугу, пытаясь оттеснить её к ближайшему забору, но она увернулась в сторону, поскользнулась и едва не упала, но всё-таки удержалась на ногах, а мальчишки с задорным визгом попадали в грязный сугроб, словно столкнувшись с ветряной мельницей. Белый берет упал в лужу, Радуга потянулась за ним, но тут кто-то опять сжал её в объятьях, она замахала во все стороны руками, а её всё пытались прижать к забору и, хохоча, ухватить за что-нибудь этакое. Клацнули чьи-то зубы, у кого-то носом пошла кровь, чья-то щека оказалась расцарапанной – Радуга приходила в звериное состояние и, визжа, махала руками и ногами, ничего уже не видя, не понимая, зажмурился глаза, закипая от злости, злости от своей беспомощности перед какими-то тваренькими, гаденькими...

Она вырвалась и побежала в сторону от дороги к обрыву, к реке. Козин и компания с криком «уйдёт!» бросились за Радугой. А та уже кубарем, не разбирая дороги, спустилась к замёрзшей реке, обежала одну полынью, другую по меньше, и тут впереди показалась узкая протока, по которой уже плыли большие толстые льдины. Радуга, не останавливаясь ни на миг, прыгнула на ближайшую льдину, прокатилась на ней с полметра, и перепрыгнула на толстый лёд, что ещё не собирался ломаться.

Она всё бежала к противоположному берегу и не останавливалась. Кое-где под ногами хрустел лёд. Из её глаз ручьём текли слёзы, она задыхалась, она не чувствовала холодного речного ветра, она была вся в снегу, пальцы в крови, шапки нет, брюки разодраны от колена до пятки. Зачем она так неслась – не знала сама. Но внутри у неё клокотал некий странный безумный ужас. Причём боялась она не козинскую компанию – она могла накостылять им запросто, как делала уже не раз. Нет, Козин тут был не при чём. Она испугалась чего-то в самой себе. «Как мало отделяет человека от зверя на самом деле, – думала она, вспоминая фразу Романа Сергеевича на одном из уроков. – Самый благовоспитанный человек, попади он в иные

условия, превратился бы в пожирателя, расчленителя, хищника, детоубийцу! Кто-то льстит себя надеждой, что уж он-то никогда не опустится до преступления. Враньё. Я читаю Библию, молюсь, почти до конца могу соблюдать Великий Пост, но у меня всё же хватает честности сказать себе: я – Машина для уничтожения себе подобных. Я думаю о Духовном и Прекрасном 24 часа в сутки и в тоже время во мне часовой механизм – заведи, и я убью тебя той же Библией, буду бить тебя, паскуду, по голове, пока ты, Козин, подлюка, не сдохнешь. Потом я накормлю церковными свечками всю твою компанию, посрываю с вас ваши вшивые крестики и воткну их в ваши лживые глазёнки, лживые, потому что думаете, что надев их, вы избавились от своей звериной шкуры. Как бы не так! Зверьё. Но я покажу вам, кто тут настоящий зверь. О Боже! Вон он берег. Ещё не много, ещё... »

Если бы Радуга хоть на секунду обернулась, то увидела бы любопытную картину – компания Козина стояла у первой полыньи рядом с берегом и ошалелыми глазами смотрела на фантастический забег Радуги. Сам Козин от ужаса и восхищения открыл рот – никто из смертных никогда не перебежал Обь в этом месте во время ледохода!

Радуга уже стояла на противоположном берегу и... хохотала.

– Ну, чё, трусили? – кричала она мальчишкам на том берегу. – Айда ко мне! Вы, трусы паршивые!

Она продолжала кричать и хохотать одновременно. Пацаны сначала тоже принялись что-то кричать в ответ, а потом по команде своего предводителя с индейским улюлюканьем ринулись по льду к первой полынье.

Они провалились под лёд все вместе, разом, не успев докричать последнее ругательство. Раз – и никого нет! Все в воде. Барахтаются и пытаются выбраться из ледяной воды.

– Эге-гей! – кричала Радуга. – Ну, как водичка? Так вам и надо!

Она захохотала и вновь, сначала медленно, потом всё быстрее пошла по реке.

– Ничего! Один мужик Берингов пролив в трусах переплывал! – кричала она, давась от смеха и прибавляя шаг. – Чтоб вам не всплыть никогда, гады! Вот вам и кранты! Это вам не на второй год остаться! – она принялась снимать с себя куртку. – Подышайте как есть, лживые псы! – продолжая смеяться, Радуга прыгнула на проплывающую льдину, чуть не скатилась с неё, прыгнула на твёрдый лёд и побежала вперёд к полынье. – Хо-хо! Пять придурков! Купальный сезон объявляется открытым! – она на бегу дышала на свои окровавленные пальцы – они не слушались её, она стала клцать зубами от холода. – Не забудьте свои шлёпанцы и плавательные шапочки! А также акваланги, но это удовольствие для тех, кто хочет изучать разнообразие речных видов на глубине. А на берегу вас ждёт горячий чай и спасатели с баграми. Ой, умора! Я рада, что вы наконец-то отдохнете и отстанете от меня навсегда! Боже, какое облегчение! Нет, это не реклама туа... нет, я щас лопну, – она захохотала ещё сильнее и упала на лёд, тут же поднялась, споткнулась – её буквально сотрясало от приступа то ли смеха, то ли холода.

Она побежала быстрее, словно хотела убежать с реки и не видеть, как пятеро барахтаются в полынье, цепляются скользкими онемевшими руками за края льдины, края обламываются у них в руках, одежда тянет на дно, они кричат благим матом и зовут на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.